

только низшая, менѣе строгая и чистая,—та же золото, только низшей пробы, только смѣшанное съ металлами низшаго достоинства. Поэзія даетъ беллетристичѣ жизнь и направленіе, и потому иногда одно высокое художественное произведеніе порождаетъ множество болѣе или менѣе прекрасныхъ беллетристическихъ явленій; одинъ геній даетъ полетъ множеству талантовъ. Но и беллетристика, съ своей стороны, имѣетъ вліяніе на искусство: она переводитъ на языкъ толпы его идеи и даже дѣлаетъ толпѣ доступными художественныя произведенія, подражая имъ. Сверхъ того, беллетристика имѣетъ свои минуты откровенія, указывая на живыя потребности общества, на непредвидѣнные вопросы дня, и не даетъ искусству изолироваться отъ жизни, отъ общества и принять характеръ педантическій и аскетическій. Что же касается до прессы,—она всему служить, она равно

необходима и наукѣ, и искусству, и беллетристичѣ, и обществу.

Итакъ, содержаніе исторіи литературы составляютъ: исторія поэзіи, беллетристики, прессы и отчасти науки. Въ этомъ случаѣ мы нисколько не разнимся съ Никитенко во взглядѣ на предметъ; но намъ кажется, что онъ не довольно опредѣлительно выразился въ рѣшеніи этого вопроса. Вотъ почти единственное мѣсто во всемъ «Введеніи», которое мы могли не оспаривать, потому что въ сущности мы согласны къ нимъ, но противъ котораго мы нашли сказать что-нибудь. Почти во всемъ остальномъ мы вполне согласны съ идеями автора, такъ прекрасно вездѣ изложенными. Мы могли бы прослѣдить ихъ, чтобъ представить содержаніе всей книги Никитенко, но думаемъ, что для читателей будетъ пріятнѣе непосредственно познакомиться съ этою книгою...

Князь Антиохъ Дмитріевичъ Кантемиръ.

Русскую литературу начинаютъ съ Ломоносова,—и справедливо. Ломоносовъ дѣйствительно былъ основателемъ русской литературы. Какъ геніальный человекъ, онъ далъ ей форму и направленіе, которыя она надолго удержала. Каковы были эта форма и это направленіе—вопросъ другой; дѣло въ томъ, что дать форму и направленіе цѣлой литературѣ могъ только человекъ необыкновенный, но, несмотря на общее согласіе въ томъ, что русская литература начинается съ Ломоносова, всѣ начинаютъ ея исторію съ Кантемира. Это тоже справедливо. Если Кантемиръ и Тредьяковский не были основателями русской литературы, ихъ труды нѣкоторымъ образомъ были какъ бы предисловіемъ къ ея основанію. Оба они, особенно послѣдній, брались за то, за что прежде всего должно было взятыся; но оба они не имѣли достаточныхъ средствъ для выполненія преддежавшаго имъ дѣла. Впрочемъ, къ Кантемиру это относится гораздо меньше, чѣмъ къ Тредьяковскому. Кантемиръ не столько начинаетъ собой исторію русской литературы, сколько заканчиваетъ періодъ русской письменности. Кантемиръ писалъ такъ-называемыми силлабическими стихами,—размѣромъ, который оовершенно несвойственъ русскому языку; но этотъ размѣръ существовалъ на Руси задолго до Кантемира. Онъ

зашелъ къ намъ изъ Польши чрезъ Малороссію, въ XVI столѣтіи. Этимъ размѣромъ писали и Петръ Могила, и Димитрій Ростовскій, и Симеонъ Полоцкій; но ихъ стихи были духовнаго содержанія, не блестящі поэзіей и отличались однажды-навсегда принятой и неподвижной риторической формой; Кантемиръ же первый началъ писать стихи, тѣмъ же силлабическимъ размѣромъ, но содержаніе, характеръ и цѣль его стиховъ были уже совсѣмъ другіе, нежели у его предшественниковъ на стихотворческомъ поприщѣ. Кантемиръ началъ собой исторію свѣтской русской литературы. Вотъ почему всѣ, справедливо считая Ломоносова отцомъ русской литературы, въ то же время не совсѣмъ безъ основанія Кантемиромъ начинаютъ ея исторію. Несмотря на страшную устарѣлость языка, которымъ писалъ Кантемиръ, несмотря на бѣдность поэтическаго элемента въ его стихахъ, Кантемиръ своими сатирами воздвигъ себѣ маленький, скромный, но тѣмъ не менѣе безсмертный памятникъ въ русской литературѣ. Имя его уже пережило много эфемерныхъ знаменитостей, и классическихъ, и романтическихъ, и еще переживетъ ихъ многія тысячи. Этотъ человекъ, по какому-то счастливому инстинкту, первый на Руси свелъ поэзію съ жизнью,—тогда какъ самъ Ломоносовъ только развелъ ихъ надолго. Поэзія Кантемира